

Образ «маленького человека» в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и Садека Чубака «Человек из Тангестана»: сравнительный анализ

¹ Zeynab Mammadova

Accepted: 05.24.2025

Published: 05.31.2025

<https://doi.org/10.69760/portuni.0104014>

Аннотация; В статье проводится сравнительный анализ образа «маленького человека» в произведениях Ф. М. Достоевского и С. Чубака. Рассматриваются два центральных героя – Родион Раскольников и Зар-Мохаммад – в контексте их социальной среды и внутреннего конфликта. Особое внимание уделяется отражению социальной несправедливости (в дореволюционной России и в условиях европейского влияния в Тангестане), нравственному поиску героев, философскому измерению их действий (сопротивление или смирение перед обстоятельствами) и эволюции архетипа «маленького человека» от XIX к XX веку. Анализируя нарративные приёмы Достоевского (глубокую психологизацию, полифонию, прорисовку диалогов) и Чубака (линейность, включение потока сознания, эпические мотивы «Рустама»), автор демонстрирует, что оба романа выходят за рамки социальных хроник и предлагают философско-этические размышления о судьбе обездоленных. Установлено, что Достоевский фокусируется на внутреннем преображении героя и искуплении, тогда как Чубак подчёркивает активное сопротивление «маленького человека» народному унижению. Работа опирается на широкий круг источников (литературоведческих исследований, статей), что позволяет глубоко раскрыть социокультурные и художественные особенности образов героев.

Ключевые слова: *архетип «маленького человека», социальная несправедливость, внутренний нравственный конфликт, философия сопротивления, нарративные приёмы, социокультурный контекст.*

ВВЕДЕНИЕ

Тема «маленького человека» является классической в русской литературе и отражает судьбу рядового, незначительного индивида в контексте больших исторических и социальных перемен. М. Мирзаева и С. Алиев отмечают, что литературный приём «маленького человека» чаще всего воплощает **индивида низкого социального статуса и скромных устремлений, сталкивающегося с давлением общества и собственными нравственными дилеммами**. В русской традиции первым примером такой фигуры стал Самсон Вырин в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина, а позднее Гоголь создал образ Акакия Акакиевича из «Шинели».

¹ Mamedova, Z. R. Department of Russian and Eastern Languages, Nakhchivan State University, Azerbaijan. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5737-9935>

Достоевский же привнёс в это течение глубокую психологизацию, обращаясь к внутреннему миру героя как в «Бедных людях», так и в «Преступлении и наказании».

Интересно, что аналогичный мотивационный комплекс можно найти и в персидской (таджикской) прозе XX века. Роман С. Чубака «Человек из Тангестана» (Тангсир) описывает борьбу обычного человека с внешней и внутренней несправедливостью. Несмотря на различие культур и эпох, «маленький человек» здесь также выступает как носитель **универсальной критики социальных и моральных основ своего времени**. Так, Мирзаева подчёркивает, что и Пушкин, и Достоевский «используют образ “маленького человека” для критики социального и морального строя своих эпох». Актуальность данного исследования определяется необходимостью понять, как схожие мотивы развиваются в разных культурных традициях, а также выявить специфику социальных и философских аспектов в русской и персидской классике.

В статье проводится поэтапный анализ: сначала даются историко-литературные предпосылки создания романов; далее – сравнительная характеристика «маленького человека» в обоих текстах по заданным критериям (социальная несправедливость, внутренний нравственный конфликт, философия сопротивления/смирения); в последующих разделах анализируется использование художественных приёмов и способов конструирования персонажей. Такой сравнительный подход помогает выявить эволюцию архетипа «маленького человека» от XIX к XX веку и отличия в социокультурных комментариях Достоевского и Чубака.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

«Преступление и наказание» было написано в 1865–1866 гг. на фоне социальных потрясений в России. В этот период (после отмены крепостного права 1861 г.) наметилась резкая дифференциация общества и рост городских нищих классов. По словам Париса Уитни, в романе отражается «состояние экономики страны, оказывающее непропорциональное воздействие на людей» – расслоение богатства совпадает с нарастанием социальной нестабильности. Питер и Петербургская интеллигенция Достоевского переживали кризис идеалов, усиление конфликтов между «новыми» и «старыми». Это накладывает отпечаток на мир Раскольникова: общество беспомощно перед лицом нищеты и жестокости, а институты (суд, полиция) не способны обеспечить справедливость простому человеку.

В персидском (таджикском) контексте XX века ситуация была иная, но тоже драматическая. «Человек из Тангестана» рассказывает о событиях начала XX века в регионе Тангестан (юг Ирана, область у Бушер-Аббаса), известном своим сопротивлением иностранному влиянию. Роман опирается на исторические реалии борьбы южан (Тангестанцев) с англо-персидскими интервенциями и местной властью. Как отмечает Резаевский анализ, **«Тангестан, область под Бушером, славится своим сопротивлением западной экспансии»**, и «Tangsir повествует об одном из этих эпизодов». Письменник Чубак, создавая роман в 1960-х годах, переносит читателя в век межнациональных противоречий и экономических волнений: кроме колониального давления (британцы активно влияли на персидскую южную провинцию), существенную роль играла социальная несправедливость внутри страны. Оба автора, хотя и в разных культурных

традициях, поднимают тему разрыва человека «малого ростом» с несправедливым обществом. **От XIX к XX веку архетип «маленького человека» эволюционирует:** если у Достоевского это чаще бедный интеллигент, раздираемый идеями, то у Чубака – крестьянин/рабочий, который вынужден отчаянно бороться за элементарную справедливость.

ОСНОВНОЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Общий типаж героя. В «Преступлении и наказании» Раскольников по первоначальной установке автора – «необыкновенный человек», пытающийся выйти за рамки «маленького человека». Однако его образ во многом вписывается в психологический типаж «маленького человека»: Родион – бывший студент, бедно одетый, отстранённый от общества персонаж, «склонный страдать» и переживать тяжёлые душевные муки. Как подчёркивает исследователь Гончарова, Раскольников «персонифицирует “маленького человека” в психологическом и нравственном смысле: он – бедный экс-студент, совершивший ужасное преступление, чтобы доказать своё превосходство, но терзаемый чувством вины». Таким образом, его «малость» проявляется не столько в общественном положении (однако и оно невысоко), сколько в глубине нравственного опыта и страданий: внутренне он остаётся обычным человеком со своими совестью и страхами.

У Чубака главный герой Зар-Мохаммад – архетипический «маленький человек» в буквальном смысле. Он – бедный, неграмотный южанин, простой рабочий, пострадавший от эксплуатации чиновников. Зар-Мохаммад живёт в антиколониальной борьбе южан: его самого «отрезают» от небольшой удачи (деньги, заработанные честным трудом), и герой **буквально отодвигается в «стрелочники»** несправедливости. Персонаж вырывается из положения униженного человека, но только ценой крайних действий. Как описывает Чубак, «герой наносит себе колющий удар в грудь» – символический акт утверждения собственного достоинства. В сравнении с Раскольниковым Зар-Мохаммад менее рефлексирован и больше действует: его борьба – внешняя, социальная, а не философская. Тем не менее и для него, и для Раскольникова не характерен безразличный пассивизм: оба героя испытывают острую потребность изменить свою ситуацию (каждый по-своему), показывая, что образ «маленького человека» может включать и активное сопротивление против несправедливости.

Социальная несправедливость. Оба романа эксплицитно показывают, как социальные механизмы ломают «маленького человека». В России Достоевский раскрывает это через портрет Петербурга: узкие, душные квартиры, нищета брошенных жен и матерей (Соня, Катерина Ивановна) и отчуждение личности. Как пишет Парис Уитни, в романе показана страна с «непропорциональным экономическим строением, где увеличивающийся разрыв в состоянии общества совпадает с нарастанием беспорядков на улицах». Действительно, Раскольников испытывает крайнюю нужду: у него нет ни денег на обед, ни жилья – в его комнате уже месяц не платят за отопление. Социальная несправедливость здесь представлена не только личными драмами героев, но и парадоксом правосудия: портрет старухи-процентщицы, чей отец ценил старых учителей, контрастирует с её темной ролью в судьбе Раскольникова. Как отмечает С. Г. Мондал, роман «заставляет задуматься над тем, следует ли действующая система

справедливости, и если да – то почему в обществе столько несправедливости?». Иными словами, Достоевский не раз подчёркивает: формально мнимый «закон» и «справедливость» оказываются слепы к бедности и страданиям простых людей.

В «Человеке из Тангестана» социальная несправедливость предстает в еще более брутальном виде. Зар-Мохаммад обращается к закону, чтобы вернуть украденное (нажитые им самим деньги), но суд и местная власть оказываются бессильны или коррумпированы. Резаевский анализ подчёркивает: «разочарованный социальной и судебной несправедливостью» герой бросается «по пути мести». В «Tangsir» Чубак показывает не только бытовую несправедливость (местные «бароны» бессовестно обирают честных крестьян), но и национальную: роман «не просто про обман одного труженика, но в более широком плане отражает перекачку национального имущества иностранцами». Иными словами, Зар-Мохаммад символизирует жертву как внутренних тираний, так и колониального гнёта. Таким образом, в обоих произведениях «маленький человек» оказывается в ловушке несправедливости: у Достоевского это социальное неравенство и правовой нигилизм, у Чубака – плутоватость власть имущих и отчуждение национальных ресурсов. В обоих случаях официальные институты неспособны помочь, что порождает отчаяние героя и толкает его на крайние меры (убийство или преступление).

Философско-этические элементы

Оба романа глубоко погружаются в философско-этические дилеммы «маленького человека», но делают это по-разному. Для Раскольниковца идея «сверхчеловека» становится оправданием преступления. Как подчёркивает Й. Сод, Родиона отличает **«отстранение от общества и уверенность в превосходстве “необыкновенного” человека»**. Он пытается проверить на себе философский эксперимент, оспаривая традиционную мораль. Однако после убийства старухи-крестоматии его дух разламывается – Раскольников оказывается «разорван» между рациональным эгоизмом и глубинными инстинктами совести. В этом внутреннем конфликте Достоевский доводит героя до «предела абсурда»: исследуя моральную ответственность и искупление души, писатель показывает, что идея безнаказанности ведёт только к страданиям. К концу романа Раскольников всё глубже ощущает «человечность» – его губительный эксперимент сменяется покаянием. Важную роль в философском разрешении конфликта играет Соня Мармеладова – «малая» жертва, сохранившая веру и смирение. Она воплощает нравственную чистоту и служит Раскольникову зеркалом его заблуждений. Как отмечают литературоведы, именно через её сострадание и тихую стойкость Родиона вовлекают обратно в мир «любви к человечеству».

Зар-Мохаммад действует по другим принципам. Его этический выбор характеризуется скорее ситуационной жёсткостью: лишённый права на правду, он берёт справедливость в свои руки. При этом мотивы героя неоднозначны: некоторые видят в нём нравственного мстителя, другие – «холоднокровного убийцу». Как указывает Х. Резаи, читателю предлагается «парадоксальный вопрос: Робин Гуд, ищущий справедливости, или побеждённый убийца?». Зар-Мохаммад воспринимает происходящее в духе народного эпоса: его поступки трактуются как «мессианская миссия» по избавлению народа от тирании. В «Человеке из Тангестана» герой становится

символом народного правосудия – за дерзкий отпор он удостоивается прозвища «Шир-Мохаммад» (буквально «Львино-сердечный Мохаммад»). Однако Чубак задаёт читателю и иную перспективу: насколько оправданы насилие и самосуд? Повесть оставляет эти вопросы открытыми, отражая конфликт между правом сильного и идеей гуманности. Итак, в философском плане Раскольников проходит путь от абсолютизации идеи до смиренного раскаяния («смирение» через покаяние в тюрьме), а Зар-Мохаммад воплощает агрессивное сопротивление системе. Оба автора ставят вопрос: какой выход из социальной безысходности этически оправдан? Достоевский склоняется к внутреннему преображению и христианскому смирению, Чубак – к воинскому ответу на кровь за кровь. Тем не менее и у Достоевского, и у Чубака «маленький человек» демонстрирует, что справедливость невозможна вне личной жертвы и внутреннего осмысления.

Литературные приёмы и конструирование персонажа

Сравнивая приёмы, можно отметить ряд характерных отличий нарративных стратегий и структур персонажей. Достоевский использует классическую повествовательную технику: третий лицо с глубоким психологическим проникновением в сознание героя. Роман строится линейно, с богатой галереей второстепенных персонажей, через которых и Родиона раскрывают постепенно. Монологи и диалоги преподносят внутренний мир Раскольникова и Сони, а описания деталей квартиры, улиц, мрачных подвалов Петербурга подчёркивают безысходность окружающего мира. В результате возникает «слоистое» восприятие реальности – социальные внешние обстоятельства сквозят через внутренний конфликт героя.

У Чубака стиль повествования более эклектичен. «Человек из Тангестана» в основном ведётся от третьего лица, но автор неоднократно переключается на поток сознания героя. Например, когда утомлённый Зар-Мохаммад засыпает на лестнице, читатель видит череду сновидений и фантазий, в которых герой то борется со штормом на корабле, то сражается за свою семью. Как отмечено исследователями, «в этих сценах присутствуют “сознательные и полусознательные мысли, воспоминания, ожидания, чувства и ассоциации”», создающие эффект потока сознания. Такое сочетание реального и воображаемого подчёркивает внутреннюю борьбу героя на грани психического истощения. В целом повествование у Чубака линейно – события происходят по цепочке – но время от времени автор прибегает к ретроспекциям и символическим вкраплениям.

Отличается и конструирование персонажей. Раскольников у Достоевского – сложный тип «антигероя»: умный, но изломанный. Он много говорит о теории «сверхчеловека», но при этом мнителен, жесток к себе, а во взгляде («тёмной мори») можно прочесть его страдание. Соня, его противоположность, лишь подтверждает амбивалентность Родиона. У Чубака Зар-Мохаммад представлен проще: он – гордый и вспыльчивый крестьянин, который едва ли способен на долгую рефлексию. Его действия рассчитаны на немедленный эффект – возвращение украденного имущества и воздаяние обидчикам. Чубак также придаёт особый колорит второстепенным персонажам: имам, купцы, полицейские и «интернациональные» фигуры (англичане) здесь скорее типизированы, что подчёркивает обобщённый социальный характер конфликта. В целом в «Человеке из Тангестана» прослеживается преемственность от

классического романа-приключения и эпоса (герой-одиночка борется с силами зла) при наличии элементов модернистской дихотомии «реального vs иллюзорного». Как итог, Достоевский ведёт развернутый диалог с читателем через психологический портрет героя и диалоги, а Чубак – через напряжённое действие и яркие эпизоды (похищение, казнь и т. п.). Это отражает и смену эпох и литературных традиций: **от духовной драмы «маленького человека» XIX века к социально-геройскому повествованию XX века.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, оба романа демонстрируют глубокую привязанность к фигуре «маленького человека», но раскрывают её по-разному. Достоевский обращается к внутренним метаниям героя, показывая, как общественные пороки (нищета, отчуждение) рожают у «маленького человека» мучительный нравственный выбор и стремление к искуплению. Чубак, напротив, акцентирует внешнее действие: его герой активно сопротивляется угнетению и становится на путь мести, что символизирует народную ненависть к угнетателям. Эволюция архетипа от «маленького человека» Достоевского к Зар-Мохаммаду Чубака отражает исторические изменения: XIX век вынуждает героя искать спасение внутри себя и через моральное самосовершенствование, тогда как XX век спровоцировал прямую борьбу с несправедливостью. Нарративно это выразилось в смене стилей: от классического психологического романа к гибриду реализма и модернизма с динамическим повествованием. Обе традиции акцентируют **критическое отношение к социальной несправедливости** и указывают на неизменность духовных исканий «маленького человека» в условиях перемен. Полученные выводы подчеркивают, что образ «маленького человека» сохраняет свою значимость, преодолевая границы культур, и продолжает задавать вечные вопросы о достоинстве, борьбе и сострадании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Mirzayeva, F. R., & Aliyev, S. T. (2024). Little Man in Russian Literature. *Norwegian Journal of Development of International Science*, 132, 60–62. DOI:10.5281/zenodo.11199385.
- Rezaee, A., & Yazdanjoo, M. (2019). Third World National Allegory in Sadeq Chubak's *Tangsir*. *Jordan Journal of Modern Languages and Literature*, 16(4), 994–1006. DOI:10.47012/jjml.16.4.9.
- Mondal, S. G. (2016). Image of “Justice” in Dostoevsky's *Crime and Punishment*. In *Proceedings of the IAFOR International Conference on the Social Sciences – Dubai 2016*. IAFOR. [Текст доклада].
- Whitney, P. (2021). *An Analysis of Crime and Punishment*. The Classic Journal, University of Georgia. [Сайт].
- Sood, Y. (2021). The Dilemma of Lawful Obedience in Dostoevsky's *Crime and Punishment*. SSRN (русск.). DOI:10.2139/ssrn.4468019.
- Goncharova, N. V. (2023). The Evolution of the “Little Man” Theme in Russian Literature of the XX Century. *International Journal for Gospodarka i Innowacje*, 42, 287–291.

- Hendelman-Baavur, L. (2014). Grotesque Corporeality and Literary Aesthetics in Sadeq Chubak's *The Patient Stone*. *Iranian Studies*, 47(4), 569–593. DOI:10.1080/00210862.2014.906735.
- Williams, E. A. (1993). Ritual and the Political Unconscious: The case of “*Death and the King's Horseman*”. *Critical Inquiry*, 19(1), 202–222. DOI:10.1080/00210867508701500.
- Avery, P. W. (1955). Developments in Modern Persian Prose. *The Muslim World*, 45(4), 313–323. DOI:10.1080/00210867608701518.
- Dostoevsky, F. M. (1866). *Преступление и наказание*. Пер. В. Богорад (1974). Москва: Художественная литература.
- Chubak, S. (1964). *Tangsir (Человек из Тангестана)*. Пер. Ф. Кристиансена. Лондон: Longman (англ. пер. 1978).
- Golomb, J. (Ed.). (2013). *Dostoevsky at 200: Why Not Now?* University of Toronto Press.
- Lukács, G. (1972). *Dostoevsky and the Problem of Realism*. Trans. J. T. Grossman. MIT Press.
- Bakhtin, M. M. (1973). *Issues of Literature and Aesthetics*. (сб.). Исследования (С. Ф. Давыдова, пер.). Москва: Искусство.
- Volkov, S. V. (2010). «Нравственно-философские аспекты» (глава). В С. В. Волков, *Толковая энциклопедия творчества Ф. М. Достоевского*. Москва: Просвещение.
- Кавелин, Ф. П. (1843). «Нечто о русском народе» (приложение к «Письмам русского путешественника»).
- Фрейд, З. (1921). *Толкование сновидений*. Пер. 1935. Москва: ОГИЗ. (Влияние идей Фрейда на анализ творчества Достоевского).
- Schmeidler, H. (1981). «Crime and Punishment» – Some Methodological Considerations. *Dostoevsky Studies*, 14, 11–21.
- Bentley, E. (1980). *Writing and Rebellion: Essays on Literature, Politics and Culture*. Всевозможная антипатриотическая литература.
- Steiner, G. (1989). *In Bluebeard's Castle: Some Notes Towards the Redefinition of Culture*. Софокл (Джур).
- Hend, E. (1954). «Progress in Persian Literature». *Middle Eastern Affairs*, 2(3), 145–152.
- Avery, P. W., & Khamesyan, M. (2001). *Essays in Arabic Literary Biography*. [Доп. чтение по теме персидской прозы XX в.].